

doi: 10.22363/2313-2337-2018-22-2-146-171

СОЦИАЛЬНО-ИНТЕРАКТИВНЫЙ УРОВЕНЬ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПРАВА КАК РЕЗУЛЬТИРУЮЩЕГО ЭТАПА ПРОЦЕССА ПРАВООБРАЗОВАНИЯ

А.А. Соколова

Европейский гуманитарный университет
Академический департамент социальных наук
LT-01127, Вильнюс, Литва, ул. Савичаус, 17

В.В. Трофимов

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Кафедра теории и истории государства и права
392008, Тамбов, Россия, ул. Советская, 181 Б

В статье рассматривается социально-интерактивный уровень социализации права, которая в структуре правообразовательного процесса позиционируется авторами в качестве результирующей стадии, в определенном смысле завершающей цикл формирования правовых норм. Констатируется, что право становится объективной реальностью только тогда, когда включается в системы социальных взаимосвязей в качестве неотъемлемого их атрибута. Исследуется социально-интерактивная среда правовой социализации, что связывается с характеристикой той роли, которую выполняют процессы социально-правового взаимодействия в плане адаптации вводимых в юридическую практику субъектами правового творчества нормативно-правовых предписаний. Обоснование подхода к пониманию процесса правообразования строится в духе социологической концепции права, проводится сопоставление данной концепции с философским и юридико-позитивистским подходами, при этом каждая из концепций расценивается как элемент интегративного типа правопонимания. Применение интегративного подхода в таком контексте видится перспективным, поскольку в нем могут найти отражение все основные аспекты бытия права (нормы права, правовые отношения и правовое сознание). Для анализа социально-интерактивных аспектов социализации права привлекаются теоретико-методологические подходы, сформировавшиеся в зарубежной и отечественной теории права и общей социологии, в которых феномен взаимодействия (интеракции, коммуникации) представляется в качестве ключевого признака «социального» вообще и «социально-правового» — в частности. Особый акцент в статье делается на анализе специфики социализации права в среде общегражданской жизни и сфере публично-властных компетенций, где имеют воплощение разные уровни правовой ментальности и отношения к праву. Вместе с тем и в первом, и во втором случаях право как действенное средство и результат процесса правообразования получает свое «овеществление» в реальной жизни (объективируется) только после прохождения этапа социализации.

Ключевые слова: право; правообразование; правопонимание; взаимодействие; интеракция; коммуникация; социализация права; социально-интерактивный уровень; акторы; юридический персонал

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Отделение гуманитарных и общественных наук). «Социально-интерактивные закономерности права: проблемы методологии и теории», проект № 15-03-00238.

I. Введение

На современном этапе развития общества становятся все более актуальными проблемы усиления роли права в жизни людей, восстановления веры в «право» как отражение идеалов добра и справедливости, меры свободы и реализованного принципа формального равенства, всеобщего (универсального) эталона поведения, преодоления ситуации правового нигилизма, в целом — повышения качества правового воздействия на социальные отношения. Важное место в решении этих вопросов отводится разумной правовой политике, которая на основе глубокого изучения социальных и правовых закономерностей призвана способствовать созданию положительного права, эффективного механизма правового регулирования. К числу искомых социально-правовых закономерностей относятся те, что связаны с процессом образования (формирования) права, правильное понимание природы которого — исходная предпосылка принятия верных правовых решений в правовом творчестве и в процессе применения права. В них право будет выражать свой гуманистический потенциал, социальную миссию по снятию напряженности, конфликтности в обществе, установление порядка и стабильности в жизни общества, будет способствовать формированию замиренной социальной среды.

Научная концепция правообразования позволяет уяснить сущность, содержание права и выводит на понимание качества позитивного права, от которого зависит состояние правозаконности и правопорядка в обществе. В рамках данной проблематики постулируется ответ на крайне важный вопрос: считать ли юридическую (правовую) норму результатом познавательных усилий и причислить ее к категории открытий, изобретений, которыми обогащается сокровищница знаний о мире (иными словами, связывать право и процесс его созидания только с сознательной (волевой) деятельностью субъектов правотворчества (законодателей)); или же правовая норма — это итог более сложного объективного процесса, который происходит в недрах самой социально-правовой жизни, символизирует (выражает) факт ее зарождения, возникновения и развития, что означает связанность законодателей объективной природой права, возможность их деятельности по сотворению правовых норм только в социально обусловленных пределах?

Ответ на этот принципиальный вопрос в ключе первого из вариантов — это суть субъектно-ориентированного типа правопонимания (главным образом, эатистской направленности, когда воля определенного лица (круга лиц, наделенных властными полномочиями) становится источником права). Ответ несложный и многое объясняющий, но только *a prima facie* (лат. — на первый взгляд). Эта линия рассуждений порой приводит в «тупиковое состояние», когда не

проясняется, почему образуются известные разрывы между «правом в книгах» и «правом в жизни» (Р. Паунд), или почему «три слова правки законодателя» достаточны для того, чтобы «целые тома библиотек» летели в «макулатуру» (Ю. Кирхман) и пр. Поэтому такой вариант ответа вряд ли может устроить не только теоретиков права (в силу изначально присущего им мотива к исследовательскому правовому поиску, в частности — посвященного обнаружению факторов, которые либо мешают видеть в праве «писанный разум» и воплощение в нем идеи справедливости и формального равенства, либо способствуют превращению формальных юридических конструкций в эффективно функционирующие основы государственной жизни общества), но прежде всего искренне проявляющих заботу о благе государства и общества практиков, ответственных за достижение государственных целей в плане регулятивного воздействия на общественные отношения.

Есть основания полагать, что именно в параметрах второго варианта ответа, раскрывающего процесс правообразования через его связанность с глубинными процессами социально-правовой жизни, можно найти верные алгоритмы понимания истоков права, объективных законов его бытия и предназначения в обществе. Как убедительно писал русский правовед Ю.С. Гамбаров, «право можно изучать только в связи с целым, часть которого оно составляет, т.е. в связи с изучением всего общества и тех культурных и хозяйственных отношений, выражением которых является как закон, так и всякая иная юридическая норма» (Gambarov, 1907:8).

В этом контексте становится очевидным, что путь права к реализации своих целей — сложный по структуре, длительный по времени, объективно-субъективный по содержанию и детерминированный совокупностью социальных факторов (Pridvorov, Trofimov, 2012; Sokolova, 2005).

В настоящем исследовании предпринимается попытка объяснить логику движения: от зарождения объективных предпосылок правового регулирования, возникновения идеи правового моделирования определенной области общественных отношений (где появилась «нужда» в праве) до *реализации сформулированной идеи в конструкции правового общения, стадии проникновения права в социальную среду, где оно становится «телом и душой» социальной жизни.* Особый акцент в предметном поле исследования будет сделан на характеристике *социально-интерактивного уровня социализации правовых норм* — результирующего этапа процесса формирования права, поскольку, по мнению авторов, право становится объективной реальностью только тогда, когда включается в системы социальных взаимосвязей в качестве неотъемлемого их атрибута.

Исходными теоретико-методологическими основаниями исследовательского замысла послужили, с точки зрения правовой парадигмы, во-первых, *интегративное понимание права* (Дж. Холл, Г.Дж Берман); во-вторых, *концепции юридического поля (П. Бурдые) и публичной сферы (Х. Арендт, Ю. Хабермас)* как арены проявления *социально-правовых интеракций*; в третьих, *социологиче-*

ская концепция формирования права (Sokolova, 2003; Trofimov, 2009), с точки зрения собственно социологии проблемы, — *социологические теории П.А. Сорокина, Т. Парсонса и Н. Лумана, П. Бергера, Т. Лукмана* как выразителей интерактивного (коммуникативного) подхода к пониманию социума и динамики социальных явлений.

II. Социализация права в структуре правообразовательного процесса

Конститутивным тезисом социологических концепций правообразования (своего рода квинтэссенцией научного подхода) является утверждение о социальной природе права и социальных истоках его формирования. В отличие от позитивистской теории права, признающей в одном из своих крайних проявлений государственную монополию на «производство» права/закона, социологическая юриспруденция исходит из признания *социального* контекста зарождения, моделирования, действия правовых норм с надлежащим образом государственно-организованной их фиксацией и обеспечением. Согласно концепции авторов статьи процесс формирования права проходит несколько рубежных этапов (стадий), начиная от *этапа, когда складываются сами объективные предпосылки становления правового содержания* (возникновение под влиянием комплекса правообразующих факторов потребности в правовом регулировании), *стадии перехода этих объективных установок в область сознания* (общественного, субъектов правотворческой государственной деятельности), где в результате «проработки» юридически значимых социальных интересов формулируются синтезированные правовые идеи и моделируются параметры правовой регламентации тех или иных общественных отношений, происходит фиксация (формализация) установленного правового содержания, то есть осуществляется превращение правовой возможности в реальные правовые нормы посредством их позитивации государственными структурами (собственно правотворчество (установление правовых норм)), вплоть до *этапа внедрения формальных правовых предписаний в реальную жизненную стихию*, которая «легитимирует» их именно в качестве действующего права (социализация правовых норм).

Результирующий этап социализации позитивных (формально-определенных) правовых норм в определенном смысле завершает процесс правового созидания или, скорее, результирует этот процесс в текущем интервале социально-исторического времени, поскольку диалектика становления правового содержания и формы не прекращаются, находят свое продолжение во времени и социально-пространственных величинах реальной «жизнью», действием правовых норм в конкретных правовых отношениях; сопровождается наступлением для участников социального общения правовых последствий, отвечающих их интересам или противоречащих им. В целом результатом этого этапа может

оказаться ожидаемый членами общества правовой порядок, и тогда будет позитивно констатировать, что установленные в различных формах (законах, указах, постановлениях и т.д.) правовые нормы есть право. В противоположном случае — в ситуации «правового беспорядка», юридической конфликтности, нарушения прав и свобод граждан и многих других обстоятельств — можно констатировать эффект произвола/неправа. Так вкратце можно представить ход длительного процесса социальной трансформации, рождения и динамического развития права в канве преимущественно социологического типа правопонимания, который, связывая право с реальностью общественной жизни, может, помимо прочего, выступать устойчивой объединительной платформой для других известных магистральных подходов в правопонимании с присущими им опорными концептами.

Каким образом моделирование процесса создания права связано с проблемой его понимания? Применительно к опорной идее представленной модели правообразования значимо осмысление права как целостности, существующей в различных формах его бытия/проявления (правовом сознании, правовых нормах, правовых отношениях). Многоаспектное восприятие права, совмещающее наиболее важные его измерения, — ценностные правопредставления, правовые нормы, правоотношения, характеризует процесс его формирования и социального действия. Содержанию этапов правообразовательного цикла соответствуют формы бытия права: первому — *объективному* — формирование социальных предпосылок возникновения права, потребностей в правовом регулировании; второму — *субъективному* — познание объективных условий правоформирования, освоение правообразующих факторов общественным и индивидуальным сознанием и сам механизм трансформации правовых идей в официальное общезначимое законодательство; их осуществление в социально-правовых отношениях соответствует третьему — *результатирующему (объективно-субъективному)* — этапу правообразовательного процесса.

Формы бытия права связаны с основными направлениями правопонимания, интегрируют их, создавая многомерное целостное явление. Если право существует в правовом сознании членов общества в виде идей, представлений, суждений о правовых явлениях, то с позиции возникновения права исследователя, прежде всего, будет интересоваться, каков характер этих представлений, мера и форма допустимой в данном социальном пространстве свободы; факторы, определяющие параметры равенства и справедливости. Такой подход формирует *нравственное (философское/естественно-правовое) восприятие права*, сторонников которого привлекает в нем оценочный характер суждений о текстах законов, правовой политике государства с позиций здравого смысла, соответствия нравственным ценностям, представлениям о справедливости, правах человека, формах их защиты и т.д. Сущность права может быть обнаружена и конкретизирована в текстах законов или иных источников (создаваемых в ходе деятельности субъектов правотворческой компетенции). Это иная форма бытия

права, рассмотрение которой особенно важно для правообразовательного процесса. В данном случае демонстрируется *нормативный подход* в правопонимании: право есть нормы в текстах законов. Еще одна ипостась права проявляется в действиях и поведении его субъектов, в правоотношениях, в динамике социально-правовой жизни. Это основания *социологического направления* в правопонимании, представители которого акцентируют внимание на изучении социально-реализованного бытия права.

Нравственный (философский/естественно-правовой); нормативный/юридико-позитивистский; социологический подходы к пониманию права позволяют раскрыть различные стороны права как сложного многомерного явления, отражающие траекторию движения правообразовательного процесса: *правовая идея — правовая норма — правовые отношения и/или правовая идея — правовое отношение — правовая норма*. Интегративное восприятие права, исключающее определение доминирующей правовой школы и признающее их взаимозависимость, позволяет раскрыть содержательный потенциал права во всех его основных аспектах и использовать таковой в конструктивных целях правового созидания.

В целом же сам по себе ориентир на гармоничную интеграцию различных доктринальных направлений правоведения представляется вполне перспективным и явно востребованным.

Как справедливо замечает М.В. Немытина в статье, посвященной базовым концептам в российском правоведении, существует необходимость согласования научным юридическим сообществом основных подходов к праву и определения парадигмы правовых исследований, отвечающей социальным интересам и потребностям. По мнению автора, если не определиться с общими подходами к праву на доктринальном уровне, то решение частных правовых проблем вряд ли может принести ощутимые результаты (Nemytina, 2016).

Возникшее в прошлом веке интегративное правопонимание активно развивается в современной западной юриспруденции. Американский философ Джером Холл, автор термина «интегративная юриспруденция», синтезировал считавшиеся несовместимыми позитивистские и естественно-правовые начала. Право в его восприятии есть многомерное социальное явление — «социально-правовой комплекс», объединяющий в реальной жизни нормы, ценности и факты (Hall, 1999). Другой американский исследователь Гарольд Джон Берман пишет: «Интегрированная юриспруденция — это философия, объединяющая три классические школы: правовой позитивизм, теорию естественного права и историческую школу... Эти три конкурирующих подхода можно примирить только путем более широкого определения права, чем те, что приняты каждой школой в отдельности... Профессор Джером Холл... определяет право как тип социального действия, процесс, в котором нормы, ценности и факты — и то, и другое, и третье — срастаются и актуализируются... На мой взгляд, именно актуализация права является его наиболее существенным признаком. Если опре-

делить право как деятельность, как процесс законотворчества, судебного рассмотрения, правоприменения и других форм придания правового порядка общественным отношениям через официальные и неофициальные модели поведения, то его политический, моральный и исторический аспекты могут быть сведены воедино...» (Berman, 2008:293–295).

Применительно к одному из посылов данной статьи позволим себе воспользоваться идеей Дж. Холла и сформулировать ее несколько в ином формате: в процессе правообразования ценности нормы и действия «срастаются и актуализируются». Актуализация правовых норм, в контексте социологического понимания процесса правообразования, осуществляется на его третьем завершающем этапе, который с определенной долей условности можно назвать *социализацией правовых норм* (Sokolova, 2003:133)¹. Цель введения этого понятия в научный оборот — исследование социального аспекта «приложения» (в терминах российского правоведа М.Н. Капустина) правовых предписаний к жизни, к миру реальных фактов и отношений (Kapustin, 1868–1869:114–115). Именно на этапе социализации происходит процесс усвоения правовых норм общественным сознанием, внедрения их в канву социальных отношений, адаптации к реальным условиям, непосредственного воздействия на социальную среду. Социализация, согласно американскому социологу Т. Парсонсу, — это не просто процесс наращивания социально значимой информации, а ее интернализация, т.е. внутреннее усвоение, восприятие в качестве своего ценностного и поведенческого императива (Parsons, 2002a:315).

Речь в данном случае идет об адаптации правовых норм к социальной среде с тем, чтобы окончательно подтвердить их статус: соответствуют ли они объективным потребностям общественного развития, являются ли факторами достижения общественного согласия и снижения уровня социальной напряженности. Жизненная «верификация» может проявить ситуации, при которых принятые правовые нормы, являясь актом государственной воли, однако не получив общественного одобрения и признания, не осуществляются или осуществляются преимущественно принудительно, то есть малоэффективны.

Опубликование и наступление сроков приобретения нормативными актами юридической силы еще не свидетельствуют о том, что «право» создано, правообразовательный процесс еще не может считаться полностью завершенным. Право становится объективной реальностью только тогда, когда предстает в качестве неотъемлемой характеристики системы социальных взаимосвязей. Если созданное субъектами правотворческой компетенции посредством инструментов формализации (в рамках нормотворческого процесса) право не находит

¹ Трофимов В.В., Малько А.В., Соколова А.А., Желудков М.А., Свиридов В.В. Социология права: Словарь-справочник / авт.-сост.: В.В. Трофимов и др.; отв. ред. В.В. Трофимов; М-во обр. и науки РФ и др. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. С. 119.

«отклика» в социуме, не становится частью прямых и обратных связей в социальных системах (не проходит так называемый этап нисходящей легитимации, социализации), то такое право остается «формальным», но вместе с тем «позитивным» (в смысле — наделенным положительным эффектом в конкретных социальных ситуациях) оно считается вряд ли способно. Для того чтобы «формальное право» (*de iure*) стало «правом социально позитивным» (действенным *de facto*), оно должно пройти этап социализации (нисходящей легитимации) в системах социально-правового взаимодействия (Trofimov, 2015).

До тех пор пока правовые предписания не станут элементами образа жизни общества, частью его сознания и бытия, нет оснований говорить о них как о действующем праве. Правовые нормы проявляют свой конструктивный потенциал, становятся *действующим/актуальным* правом, «заводят» социально-правовой механизм приведения беспорядочных/хаотичных отношений индивидов в организованные, соответствующие утвержденным моделям поведения, и создают, таким образом, атмосферу солидарности, сотрудничества, интеграции, иными словами, «замирненную среду», в которой участники социального общения реализуют субъективные права и юридические обязанности, демонстрируя своеобразное взаимодействие (*актуальную коммуникацию*). Итоговый результат действия права — создание нормальных условий для правовой повседневности, приобретения гражданами социальных, духовных, материальных, информационных ценностей, более масштабная правовая инженерия — изменение социальной среды, ее преобразование, гармонизация и интеграция социально-правовой жизни.

В рамках вышеизложенного представлена оптимальная картина действия права — права, созданного при соблюдении всех стратегически важных социолого-правовых условий в надлежащей, обеспечивающей легитимность процедуре, конституционно-корректного, соответствующего признаваемым данным обществом нравственным ценностям и моральным устоям. Но можно представить и иную модель действия правовых норм — противоположную, ведущую к усилению социальной напряженности, конфликтности, порождению негативных явлений, открыто или латентно деформирующих социальную действительность. Это эффект действия правовых норм, «искажающих» природу права, а посему являющихся квазиправом (мнимым, ненастоящим), подчас волюнтаристским произволом, нарушающим ценностные устои общества. Будучи рационализацией эмпирического поведения государственной власти, миновав процедуру общественного контроля и признания, квазиправу суждено осуществляться преимущественно принудительно. Если его систематическая принудительность подтверждается правоприменительной практикой, то это — симптом «некачественного», социально неоправданного нормотворчества и основание для дальнейшего совершенствования юридических актов и изменения стратегии и тактики правовой политики.

III. Механизм социализации правовых норм: общегражданский и публично-властный контексты

Исследование механизма социализации правовых норм дает возможность «отсканировать их поведение» на микросоциальном уровне и обозначить причины и зоны их дисфункции, а также представить целостную картину действия права и возможность предварительной оценки принятого варианта правового регулирования. Прежде всего попытаемся умозрительно представить картину действия правовых норм (безусловно, при анализе процесса трансформации абстрактных правил в правомерное (неправомерное) поведение — механизма их социального действия — из внимания не упускается условность применяемого термина «действие» (действуют субъекты права, но не само право)), их трансмиссии посредством личности — своеобразного «агента» социализации, выступающего связующим звеном между нормами права и последствиями их осуществления. В пространстве социального поля реализация правовых предписаний может осуществляться в двух субъектных формах: 1) непосредственно участниками правового общения (актерами), для удовлетворения интересов вступающих в отношение/коммуникацию; их роли в сценарии коммуникативного отношения самодостаточны; 2) наделенными соответствующими компетенциями должностными лицами, применяющими правовые нормы к другим участникам общественных отношений (применение права юридическим персоналом). И в том и в другом случаях бытие права будет подтверждаться каждым актом социального действия правовых норм: от того, насколько они будут восприняты участниками правового общения, как произойдет их «вживание» в социальную среду, зависит факт окончательного признания юридических предписаний в качестве действующего права.

Прослеживая «путь движения» правовой нормы от момента введения ее в юридическое действие до «соприкосновения» с социальным фактом, отношением, ситуацией, для регулирования которых она предназначена, где центральным «звеном» выступает «человек» (индивид), условно выделим в нем основные этапы процесса социализации. К ним, в частности, можно отнести следующие: 1) получение правовой информации; 2) ее осознание; 3) оценка, формирование образа права; 4) формирование правовой позиции; 5) социальное действие (Sokolova, 2003:139–146). И хотя эти элементы продвижения правовой нормы в социальный контекст относимы непосредственно к личностному уровню социализации правовых предписаний, «работать» это может лишь в среде межличностных контактов, в ходе социально-правовой интеракции, которая актуализирует необходимость использования права. Вне этой социально-интерактивной среды право как таковое бессмысленно. Поэтому следует обратиться к микросоциальному (социально-интерактивному) уровню процесса адаптации правовых норм, осуществляемому в ходе взаимодействия индивидов, иными словами, при актуализации права; социальному взаимодействию (коммуникации) как

универсальной форме практики общественной жизни (социально-правовой жизни) (Polyakov, 2001a:148). Воспользуемся одновременно анализом проблем, возникающих на каждом из этапов социализации правовых норм, и проблем, связанных с социально-правовым взаимодействием индивидов и юридического персонала.

Бытие права подтверждается каждым фактом социального действия правовых норм, которому предшествует ряд подготовительных актов. В частности, *получение индивидами правовой информации*, что начинает «работать» в силу закрепленного в законодательстве правила об официальном опубликовании принимаемых правовых актов, с чем связывается момент вступления их в силу (если в законе не указано иное)². Из этого правила во многом вытекает общеправовая презумпция знания закона, которая называется также презумпция правознакомства или номологическая презумпция. Эта презумпция была сформулирована и применялась еще в римском праве: «*ignorantia legis neminet excusat*» — «незнание закона никого не извиняет». Римляне говорили, что незнание закона, знание которого предполагается, не служит извинением для лица, нарушившего закон: *ignorantia iuris, quod quisque tenetur scire non excusat* или: никто не может отговариваться незнанием закона: *neque ignorantia iuris rescare potest*. Этот — начальный — этап социализации правовых норм реализуется по двум основным направлениям: доступность содержания правовых положений для их понимания населением страны (соблюдение правил юридической техники как предпосылка юридического качества); разнообразие современных информационных каналов, прежде всего правовых ресурсов Интернета. Здесь мы сталкиваемся с проблемами не только теоретико-правового, но и прикладного характера: разрастающейся базой нормативно-правового материала, требующей своевременной систематизации, устранения противоречий и пробелов.

На уровне микросоциальных проблем права возникает задача анализа важной для успешной правовой коммуникации ступени *осознания* юридических норм (уяснения их смысла, сути запретов, дозволений, позитивных обязываний, содержания субъективных прав и юридических обязанностей, мер юридической ответственности) индивидами и юридическим персоналом. Со стороны индивида понимание и освоение правовых предписаний требуется не только в ситуации реальной правовой коммуникации, в которой он выступает актором социального действия (субъектом правового отношения), но и в положении «гражданин — государство», взаимно ответственных в соблюдении норм конституции и других актов общегосударственного характера. Социализация норм — важное условие взаимопризнания прав личности и государства. В данном ас-

² Федеральный закон от 14.06.1994 № 5-ФЗ (ред. от 01.07.2017) «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» // Собрание законодательства РФ. 20.06.1994. № 8. Ст. 801.

пекте знание права — это не только результат информационного процесса, но и переработка правовой информации, ее уяснение. С учетом все усложняющегося содержания права с данной стадией социализации права могут быть связаны определенные затруднения. Они преодолеваются, с одной стороны, искусством юридической техники, позволяющим выработать ясные, четкие, доступные для восприятия формулировки правовых норм, с другой — в рамках проведения последовательной правообучающей политики, целью которой является повышение уровня правовой грамотности и осведомленности населения.

Мотивом систематического повышения правовой компетенции и эрудиции юридического персонала, государственных служащих, отдельных категорий работников негосударственной сферы выступает их профессиональная деятельность, определяющая режим законности и правопорядка в обществе и государстве. Арсенал их знаний и компетенций базируется на профессиональном толковании и реализации широкого блока правовых документов. В среде специалистов в других областях (работников здравоохранения, высшей школы, торговли, экологических служб и других) социализируются, прежде всего, нормы отраслевых кодификационных правовых актов. Однако для всех категорий субъектов правового общения необходимы знания и компетенции понимания правовых предписаний, диапазон способов приобретения которых в современном обществе достаточно широк: от получения профессионального юридического образования до практик дополнительного образования.

Процесс осмысления правовых предписаний непосредственно связан с их оценкой, созданием образа права и соответственно формированием правовой позиции, которая позволяет субъекту выработать вариант правового поведения на основе избранной юридической регламентации. И только после этого можно говорить о возможности *социального действия*, которое приводит в движение правовой механизм. Эти проявления социализации правовых норм ведут к последующей правовой коммуникации, успешность которой определяется уровнем взаимного понимания, признания и освоения их общественным сознанием в качестве социальных ценностей (в терминах Т. Парсонса — «генерализации ценностей») (Parsons, 1998:43–45). В этой связи важно при разработке концепции будущего правового акта, на начальном этапе процесса правообразования, провести процедуру согласования ценностей (нравственных, социальных, правовых, традиционных и пр.) и включить их в стратегию правовой политики государства — законодательной и правоприменительной.

Проблема комплексного согласования правообразующих интересов социальных акторов дополнительно подтверждает значимость интегративного подхода к пониманию права и осмыслению процесса его формирования — необходимость комплементарности идей нормативизма и теории естественного права. Как отмечает Г. Дж. Берман, «естественники» и позитивисты, в конечном счете, «расходятся друг с другом в двух ситуациях: когда суверен принимает закон или закрепляет процедуру, находящиеся в грубом и фундаментальном противо-

речи с разумом и совестью; вторая — когда суд или иной правоохранительный орган интерпретирует закон или правовую норму без достаточного внимания к моральной цели, ради которой они существуют. В ситуации этих двух типов позитивист отрицает юридическую значимость категорий “разум”, “совесть” и “моральная цель”. Избежать односторонности в понимании природы права и определяющих факторов его действия позволяет интегративное правопонимание, нацеленное на “срастание” сущностных характеристик этих направлений, включая социологическое, и формирование многоаспектного образа права, в котором «ценности, нормы и факты актуализируются» (Berman, 2008:346).

С позиции социологического взгляда на процесс его творения важно провести наблюдение за ходом, в терминах американского социолога Т. Парсонса, интернализации (усвоения) личностью коллективно выработанных ценностно-нормативных стандартов поведения. Интернализация мотивации соблюдения индивидом надлежащих норм по отношению к коллективным интересам и потребностям является условием солидарности с коллективами, в системе которых он должен действовать. В свою очередь, солидарность — важнейший аспект интеграции социальной системы (Osipov, 1972:369–370).

Социальные ценности, как результат коллективного признания, лежат в основе личных ожиданий, *оценки*, формирования *правовой позиции* индивида и ожидаемого от него варианта поведения в правовой коммуникации — *социальном действии*, ситуационно корректируемом объективными и субъективными условиями (личностным психологическим портретом, уровнем правовой культуры, влиянием социальной среды, «качеством» правовых предписаний и пр.). Характер социального действия проявляется при соприкосновении с реальным фактом, отношением, ситуацией. Именно на этом этапе *социализации правовых норм* индивид как субъект права, участник правовых отношений, выполняет основную роль в их осуществлении, «приложении» к реальным жизненным обстоятельствам. Следовательно, кульминацией завершающего этапа формирования права — социализации правовых норм — является их актуализация, «приложение» к фактам реальной жизни; с позиции общей социологии — *социальное действие*, в данном случае — основанное на праве. В теории П. Бергера, Т. Лукмана это фигурирует как «хабитулизация», «опривычивание» поведенческих стандартов в структурах социального взаимодействия (превращение «субъективных значений» в «объективную фактичность») (Berger, Lukman, 1995), в том числе правовых стандартов (Polyakov, 2001b; Polyakov, 2003:194).

Главной социальной средой, где устанавливается действенность правовых норм (юридических правил), является *социально-интерактивная среда*. Как отмечал П.А. Сорокин, «...социальное явление... есть прежде всего взаимодействие тех или иных центров или взаимодействие, обладающее специфическими признаками...» (Sorokin, 1992:32). Именно на этом уровне правовая норма проходит проверку на качество и эффективность. Именно конкретные субъекты права, конкретные социальные коллективы начинают использовать ту или иную

норму и открывают ее фактически для общества в целом. Если на данном уровне норма права не проявит какую-либо дефектность, то можно будет с уверенностью говорить, что это правило будет востребовано на более широком поле социального взаимодействия. Важным является вопрос о том, как нормы права усваиваются (адаптируются) в социально-интерактивной среде, становятся ли они частью социальных взаимосвязей в системе или, напротив, мешают гармоничному развитию системных социальных отношений. Ответ на него по существу и будет символизировать, создано ли данное право реально или оно получило лишь текстовое и документальное оформление, но действующим социально-правовым ресурсом не стало и возможно не станет.

Для моделирования социально-интерактивной среды правовой социализации резонно принять во внимание научно-методологический подход, который был развит американским социологом Т. Парсонсом, и определяемый в качестве общей теории систем действия. Данная теория впервые была им изложена в работе «Структура социального действия» (1937 г.). Эта теория (аналитического реализма) исходит из признания внешнего объективного мира, не являющегося созданием индивидуального разума и выходящего за пределы идеального порядка (Parsons, 2002b:300–301). Т. Парсонс разрабатывает систему координат действия, которая характеризуется следующими элементами: 1) действующее лицо (актор, «эго») — отдельная личность или группа; 2) цель, которую преследует актер; 3) ситуация, или внешнее окружение действия («другой», «другие»); 4) нормативная ориентация действия, т.е. ценности и нормы, которыми руководствуется актер; 5) нормативные ожидания (экспектации (от англ. *expectation* — ожидание) — система ожиданий, требований относительно норм исполнения индивидом социальных ролей).

Под «социальным» Т. Парсонс понимал действие, регулируемое нормами и осуществляемое в общем контексте системы социальных ценностей. Порядок общества обусловлен тем, что «социальные деятели исполняют ожидаемые от них роли, разделяют предписанные ценности и нормы»³. Каждое действие имеет цель, для достижения которой в системе альтернативных средств ее достижения актеры избирают те, которые отвечают не только их интересам, но и интересам контрагентов по системам социальных взаимосвязей (соответствуют тем нормативным ожиданиям, которые «заданы» данной социальной системой). Нормативные ожидания (экспектации) задают определенный тон осуществляемым действиям, корректируют (ориентируют) социальное поведение субъекта (Parsons, 2002b:94–95).

³ Современная западная социология: классические традиции и поиски новой парадигмы: Реф. сб.: к XXII Всемирному социологическому конгрессу (Мадрид, 1990). М.: ИНИОН, 1990. С. 94.

Подчеркивая значение «общепринятых нормативных систем, норм и ожиданий» для функционирования общества, американский социолог видел задачу права в «поддержании установленных форм социальных отношений» (Pivovarov, 2001:284). Один из последователей Т. Парсонса западногерманский социолог Никлас Луман в книге «Социология права», в частности, отметил, что для того чтобы найти тот элементарный социальный уровень, на котором зарождается право, необходимо обратиться к свойствам «фактической жизни». По его мнению, «основы элементарных правообразующих структур и процессов» лежат в межличностных отношениях, а источник права, с его точки зрения, коренится в чувстве «ожидания» определенного поведения, которое становится основой поведения другого и наоборот. Право — это структура социальной системы, которая покоится на конгруэнтной генерализации нормативных ожиданий поведения. По оценке самого Н. Лумана, это функциональное понятие права, из которого можно сделать вывод о том, что анализ развития права необходимо связывать с развитием общества (научная информация приводится из сборника обзоров и рефератов под редакцией Ю.С. Пиоварова) (Pivovarov, 2002:85–87).

Основные положения концептуальной схемы Т. Парсонса можно экстраполировать на исследование *социального фона действия*, как поведенческого акта субъекта, аккумулировавшего полученные в ходе социализации правовых норм интеллектуальные импульсы (осознание, оценивание правового предписания, формирование правовой позиции). Целесообразно в аспекте социолого-правового анализа попытаться исследовать микросрез правовой реальности, сосредоточиться на *социально-интерактивном уровне* измерения основных параметров поведения субъектов, вступающих в правовое взаимодействие. Идея социально-интерактивного анализа действия права открывает перспективное направление в методологии познания процессов взаимодействия субъектов в модели правоотношения (Trofimov, 2014:101). С этой позиции социальное правовое действие можно описывать как взаимодействие между индивидами, суть которого — обмен встречными актами, определяемыми взаимными ожиданиями. Именно это взаимодействие ожиданий имеет предопределяющее значение для ориентации индивида в предусмотренной правовой нормой ситуации.

Если речь идет о введении в действие правовых правил, то важно видеть, в какой мере они усиливают функциональность соответствующих социально-интерактивных систем. Если вводимые правила нарушают информационный обмен в системе, нормативные роли не принимаются субъектами правовых взаимодействий, прежде всего в силу того, что не подходят под нормативные ожидания и не усваиваются в сознании участников системы взаимодействия (нормативные роли (правовые требования) должны быть интериоризованы, только в этом случае инструментальные функции права могут реализовываться эффективно) (Sapun, 2003:82), может наступить нормативный конфликт. В свою очередь, дефицит регулирующих правил может быть восполнен теми, которые бу-

дут исходить из самой системы взаимодействия, либо система перестанет существовать в первоначальном виде. Социально-интерактивная среда концентрирует в преобразованной форме внешне-инструментальные воздействия со стороны правовых средств (юридических норм и пр.), принимая либо отторгая таковые.

При этом одной из центральных дилемм, характерных для системы социального действия, по Т. Парсонсу, является своего рода амбивалентность (дуализм) — *универсализм* — *партикуляризм* (что связано с выражением требований двоякого рода, предъявляемых к ситуации взаимодействия: субъект действия рассматривает его объект как с точки зрения общих норм и ценностей, так и со стороны своих частных (индивидуальных или групповых) правил). Иными словами, в системе взаимодействия совмещаются два типа ориентации субъекта действия — мотивационная (исходящая из интересов актора) и ценностная (опирающаяся на внешние символы). Эти типовые переменные на уровне социальных систем рассматриваются как основа выбора и проигрывания социальных ролей, соответствующих ролевым ожиданиям. Однако этот выбор осуществляется не произвольно, а под влиянием той социальной системы, где действует тот или иной актор, которая описывается Т. Парсонсом как социальная подсистема человеческого действия, «система взаимодействия» или как «система интеракций». В ходе сложной комбинации функциональных переменных в системе внешние нормативные основы ее функционирования преобразуются под внутренние задачи, так же как происходит и обратная реакция, итогом которой может стать созданный отлаженный и конкретизированный норматив, на который ориентируется динамика всей системы и составляющих ее акторов. Если же внешне-инструментальная ориентация «навязывается» социальной системе, то возникает так называемый ценностный (информационный) конфликт или энергетический кризис (недостаток мотивации, мотивационной энергии), следствием которого является нормативный конфликт, а затем и конфликт в социальной системе (система от состояния равновесия (гомеостаза) переходит к состоянию энтропии или к развалу системы социальных действий) (Parsons, 1994:449). В целом, если норма права проявит свою дефектность, то это будет означать, что правовое регулирование в этой части не является функциональным, работоспособным, т.е. право формально существует, но реально его нет, потому, что не определена необходимая мера правового воздействия, не создан должный праворегуляционный оптимум, который приводит в движение социально-правовой механизм.

Таким видится процесс социализации права в социальных средах, непосредственно не связанных с реализацией властных компетенций участниками (актерами) социально-правового взаимодействия. Несколько иная картина наблюдается в отношении лиц, профессионально практикующих правовые нормы или категориально относящихся к сфере юриспруденции.

По своим служебным обязанностям или профессиональному долгу они обязаны следить за изменениями действующего законодательства, надлежащим

образом его интерпретировать, критически осмысливать, проводить научно-практическое оценивание. В процессе социализации правовых новаций юристы-профессионалы также формируют образ права, совмещенный с собственным набором социальных и правовых ценностей, теоретико-правовых знаний, истоков правовой культуры. Однако их роль по отношению к выбору варианта *социального действия* в отличие от индивидов, не обладающих профессиональными компетенциями в сфере права и правоприменения, несколько иная. Именно они создают ту нормативную атмосферу, определяют контуры правового пространства, задают вектор правовой культуры, которые должны способствовать успешной трансформации правовых норм в фактор общественной жизни, воздействующий на социальную практику и порождающий положительные изменения в социальной среде. Именно от их профессионализма и интеллектуальной корректности зависит механизм действия права, создание нормативных условий для правового взаимодействия субъектов. Ведь даже в ситуации производства «качественной» в правовом смысле нормы от юридического персонала зависит ее интерпретация и применение.

IV. Социальный интерактив «юридического поля» и «публичного пространства» как среда конструирования права

Попытаемся исследовать тот особый социальный мир, внутри которого производится и действует право, и для его обозначения используем термин выдающегося французского социолога Пьера Бурдьё — *«юридическое поле»*. В рассуждениях П. Бурдьё «юридическое поле представляет собой место конкуренции за монополию на право устанавливать право, иначе говоря — нормальное распределение (*nomos*) или порядок (*ordre*), в котором сталкиваются агенты, обладающие одновременно социальной и технической компетенцией, заключающейся, главным образом, в социально признанной способности интерпретировать (более-менее вольным или установленным образом) свод текстов, закрепляющих легитимное, то есть правильное, видение мира» (Bourdieu, 2005:78).

За основу теоретического осмысления «труда» юридического персонала возьмем суждение о *социальном измерении* специфического стиля мышления и действия юристов, противоположную идею об абсолютной автономии «юридической мысли и действия» (Bourdieu, 2005:74). «Интервенция» социальной среды воздействуют на личность юриста-профессионала: требование строгого подчинения принципам и нормам права не гарантирует его профессиональное поведение от положительного или негативного влияния социальных факторов. Кроме того, характер взаимодействия внутри юридического поля определяется конфликтом интересов, связанным с различными позициями, относительной иерархией и конкуренцией, существующей внутри поля (между судьями, про-

курорами, адвокатами, следователями и др.). Социальное воздействие проявляется и в противоречиях между юридическим полем и «полем власти» в рамках единого социума (согласно теории П. Бурдьё в социуме взаимодействуют разные виды полей — политики, культуры, религии и др.). «Структурные границы эффективности собственно юридического действия зависят от того, чему принадлежит приоритет: “власти закона” (the rule of law) или бюрократическому регламентированию» (Bourdieu, 2005:86). В этом кроется одна из причин рисков для адаптации правовой нормы, признания ее общественным сознанием, трансформации ее в действующее *право*. Степень рисков зависит от доминирования одного из двух вариантов производства права: 1) правовая норма закрепляет уже существующую позитивную тенденцию / нивелирует негативную или сканирует реальную, апробированную практикой, но требующую нормативной регуляции ситуацию; 2) в процессе государственной юридической позитивации / формализации фиксируется социально не выверенное, но политически заказанное решение.

Согласно П. Бурдьё структура юридического поля представляет собой принцип структурирования реальности. Профессиональный корпус специалистов права и юридической науки, вступая в юридическое поле и принимая на себя роль агентов производства юридических действий, имплицитно признает действующие в нем своды правил и практики. Юридическое поле становится ареной для микровзаимодействий между разными категориями юристов: теоретиками и практиками. Юридическую корпорацию можно признать интерактивной системой (системой социальных коммуникаций), характеризующейся постоянным обменом профессиональными компетенциями, поиском правильного правового решения в отношении «третьих лиц». Осуществление акторами в рамках юридической процедуры действий по применению правовой нормы в отношении индивидов, ожидающих оформленных в правовое решение правовых последствий, придают этим действиям юридический характер. Конструирование реального правового отношения подчас требует интеллектуальной фантазии, приближения правовых стандартов к уникальности отдельного жизненного случая. Речь идет об одной из важнейших практик, сопряженных с профессиональной оценкой отдельных ситуаций и правовым разрешением конфликтов, — теоретической *интерпретацией* юридических текстов. «Соперничество между интерпретаторами объективно ограничено тем, что судебные решения, чтобы отличаться от чисто политических актов насилия, должны представлять как единственно верный результат правильной интерпретации текстов, чья легитимность не подлежит сомнению» (Bourdieu, 2005:80). Суть профессиональной интерпретации правовых положений состоит, помимо правильного уяснения их смысла, в приближении абстрактных и казуистических норм к многообразию жизненного мира. Справедливы суждения профессора В.Г. Графского о значимости согласованности между текстом закона и его пониманием, которые, по сути, предстают взаимоотношением «двух мыслящих

миров» (законодателя и индивида) (Grafskiy, 2016:13). Подчас в ходе официального толкования (к примеру, казуального) при переносе общих моделей правового поведения на жизненную ситуацию юристы адаптируют правовые нормы к новым обстоятельствам, вводят необходимые для разрешения правовой ситуации инновации, которые могут при должной оценке законодателем стать основой для последующей коррекции законодательства. А значит, профессиональный корпус юридического поля, участвуя в социализации правовых норм, способен влиять на процесс их модернизации (обновления и уточнения).

Интерпретацию (толкование) права условно можно назвать «увертюрой» к юридической деятельности. Взаимодействия (коммуникации) между участниками юридического процесса (судьями, прокурорами, адвокатами, следователями), с одной стороны, и индивидами, ожидающими правового решения, с другой — наполняют юридическое поле специфическим содержанием — актуализацией права, своеобразной «экспертизой» правовых норм на их социальное признание и соответствие действительным интересам общества.

П. Бурдьё описывает эту сторону юридической деятельности в другом аспекте. Он обращает внимание на конфронтацию между предлагаемыми для применения юридическими нормами социальным заказом, «который объективно вписан в сами практики в актуальном или потенциальном виде (в форме нарушения либо инновации, вводимой этическим или политическим авангардом)» (Bourdieu, 2005:108). Ученый предлагает «сфокусировать» внимание на исследовании отношений, возникающих в рамках социального универсума между юридическим полем и полем власти. Пониманию социального действия права и собственно права может способствовать анализ социального заказа (потребностей общества), социальных условий «юридического творчества» и характера взаимодействия между акторами юридического поля, их социальными интересами, которые определяются в конкуренции, существующей внутри юридического поля, а также между этим полем и полем власти в целом (Bourdieu, 1986). Мы вернемся к проблемам соотношения «юридического поля» и «поля власти» (по П. Бурдьё), но перенесем этот дискурс в пространство *публичной сферы* и рассмотрим его в социолого-правовом контексте.

Обращаясь к перспективности микросоциальных исследований взаимодействия всех категорий профессионального корпуса юристов, участвующих в социализации правовых норм посредством «деятельностной коммуникации», полагая, что юридический корпус — основной проводник правовых предписаний в социальную жизнь, следует обратить внимание на значимость эмпирических исследований в этой области, иллюстрирующих характер и социальные условия коммуникаций между акторами (судьями, правоохранительными органами, государственными службами), их специфические интересы и профессиональные обязательства, факторы, влияющие на процесс принятия ими решений. Результативными следует признать исследования, проведенные Институтом проблем

правоприменения (в составе Европейского Университета в Санкт-Петербурге) (Bocharov, Moiseeva, 2017; Volkov, 2011; Volkov, 2015).

Акцентируя внимание на *социальности* конструирования права как определяющем признаке его формирования, исключая позитивистский подход к производству права, основываясь на интегративном восприятии его образа (социальная практика → правосознание → правовые нормы → правоотношения), важно подчеркнуть, что создание права заключается не в одноактном действии государственных структур, а представляет собой долговременный, циклический, социально обусловленный процесс. Право достигает своей многогранной целостности путем постепенных превращений из одного состояния в другое на каждом из этапов его созидания. Модель процесса формирования права, представленная в виде единого цикла последовательно сменяющих друг друга этапов (возникновение потребностей в правовом регулировании, их выявление и социально-правовая оценка, нормотворческое оформление / позитивация правовых идей государственными органами, социализация принятых правовых норм), позволяет сканировать возникающие на каждом из его этапов проблемы, связанные с взаимодействием всех имеющих отношение к конструированию права акторов.

Возникает резонный вопрос: кто же эти анонимные силы, участвующие в конструировании права, и в чем проявляется их правотворческое участие? На этот вопрос убедительный ответ дал П. Бурдьё: «настоящим законодателем является не автор проекта закона, но все те агенты, которые, выражая специфические интересы и обязательства, ассоциируемые с их положением в различных полях (в юридическом поле, но также в религиозном, политическом и так далее), сначала вырабатывают частные и неофициальные устремления и требования, а затем придают им статус «социальных проблем», организуя с целью их «продвижения» формы публичного волеизъявления (статьи, книги, платформы ассоциаций или партий) и давления (манифестации, петиции, требования)» (Bourdieu, 2005:114). П. Бурдьё определяет круг акторов, причастных к производству права — в его терминах, это «агенты» — персонал различных взаимосвязанных между собой *социальных полей*.

Для подтверждения *социальности* конструирования права воспользуемся иной теоретической конструкцией — *публичного пространства* (Х. Арндт, Ю. Хабермас). Структура этого пространства должна, на наш взгляд, определяться, во-первых, взаимным признанием вовлеченных в правовую политику участников (институтов государства и институтов гражданского общества), во-вторых, их равноправием (они равны в праве на действие и признание, но различаются способами осуществления действия), в-третьих, конкуренцией мнений, предложений, позиций, инициатив. Иными словами, речь идет об учреждении в пространстве публичной сферы *диалога/коммуникации* равных акторов, участвующих в формировании политики государства и гражданского общества в сфере правотворчества.

С позиций социологии права юридическое правило, извлекаемое из социальной данности, — результат действующей на него окружающей среды, тех социальных оснований или, в терминах Ж.-Л. Бержея, «творческих сил», которые определяют процесс правообразования и правовую политику в целом (Berzhe, 2000:291). Помимо социальных оснований (предпосылок) конструирования права нельзя отрицать факт интеллектуального оформления его содержания, соизмерения с идеями справедливости, морали, пользы. Безусловно, в этом процессе, помимо государственных структур, должны участвовать и реально участвуют, в зависимости от степени зрелости гражданского общества, развитости демократии, правовой культуры, политических традиций, иные социальные институты (политические партии, общественные организации). Структура публичного пространства как арены для ведения диалога определяется ответственностью каждой из сторон за выполнение сообща смоделированного решения, отвечающего взаимным ожиданиям и интересам, своеобразного «общего» дела, в замысле которого проявляется и признается инициатива каждой из сторон. Миссия права — управлять социальными отношениями: сконструированное в результате активного дискурса право может создать условия для социального мира; игнорирование формата диалога при моделировании права, отсутствие солидарности в выработке компромиссного решения, отвечающего действительным нуждам и интересам, нормативным ожиданиям разных социальных групп, может вызвать иные социальные последствия — напряженность, конфликтность, социальную войну.

Изменения в обществе могут иметь как позитивный, так и негативный характер, затрагивать модель поведения отдельного индивида, социальной группы или трансформацию общества в целом. Право можно рассматривать как своеобразное средство коммуникации между обществом, ожидающим установления справедливого правового порядка, безопасности и стабильности, и обществом, испытывающим воздействие правовых предписаний, выработанных вне публичного диалога. Несоответствие между ними — серьезный сигнал, вызов законодателю, правовой политике, всем компонентам правообразовательного процесса, требующий безотлагательного их совершенствования.

V. Заключение

Оценивая результат адаптации (социализации) правовых норм и в целом процесса правообразования, можно более основательно ответить на вопрос, является ли принятый нормотворческим органом правовой акт правом как таковым? Воплотился ли в нем, с одной стороны, апробированный опыт взаимного общения неформального регулирования, учтены ли социальные основания/факторы, соответствует ли он принципам права, правообразующим интересам, признанным в обществе ценностям; является ли он результатом всеобщего признания и нормативного ожидания. С другой стороны, насколько задуманная

нормотворческим органом модель «не существовавшего ранее в качестве отношения жизненного мира» (в терминах Ю. Хабермаса) соответствует выше упомянутым социально-правовым требованиям и «приложилась» ли она к реальным фактам и ситуациям, создает ли социальный мир и перспективы для его лучшего обустройства. Социолого-правовой анализ позволяет зафиксировать статус новой модели поведения: действует ли она в форме права или квазиправа, самореализуется, поскольку обладает социальным признанием и становится воплощенным правом, или осуществляется исключительно на принуждении и порождает девиантное поведение.

Следовательно, созидательный цикл формирования права завершается при соприкосновении теоретической модели правовой нормы с социальной реальностью, при усвоении права общественным сознанием и поведением. Практика его адаптации (социализации) позволяет оценить степень эффективности, «качество» правовых норм, иными словами, предоставляет тот эмпирический материал, который должны отслеживать соответствующие структуры (законодательные, научные, общественные и др.), чтобы постоянно совершенствовать законодательство. Этот этап, по сути, результирует процесс формирования права и в то же время является началом новой фазы его модернизации.

Социально-интерактивная среда процессов правовой социализации выступает своего рода действующим социальным механизмом адаптации вводимых субъектами правового творчества юридических предписаний. Его действие несколько отличается в зависимости от того, что правовые нормы вводятся в сегмент общегражданской жизни или юридическое поле, представленное лицами с властными полномочиями или наделенными особым правовым менталитетом (доктринальным, практическим). Вместе с тем в обоих случаях право как действенное средство и результат процессов правообразования получает свое «овеществление» в реальной жизни (становится объективным фактом) только после прохождения этапа социализации, его восприятия участниками социально-правового пространства в качестве жизненно значимого ресурса.

Библиографический список / References

- Berger, P., Lukman, T. (1995). *Sotsialnoye konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotciologii znaniya* [Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium Publ. (in Russian)
Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Berman, G.J. (2008). *Vera i zakon: primireniye prava i religii* [Faith and Law: Reconciliation of the Law and Religion]. Moscow: Moscovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2008, pp. 341–363. (in Russian).
Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М.: Московская школа политических исследований, 2008. 464 с. С. 341–363.
- Berzhel, Zh.-L. (2000). *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Moscow: Notabene Publ. (in Russian).

- Бержель Ж.-Л.* Общая теория права / Под общ. ред. В.И. Даниленко; пер. с фр. Г.В. Чурушкова. М.: Notabene, 2000. 575 с.
- Bocharov, T.Y., Moiseeva, Y.N. (2017). *Byt' advokatom v Rossii: sotsiologicheskoye issledovanie professii* [Being a Lawyer in Russia: Sociological Study of the Profession]. 2nd edn. Saint Petersburg: Publishing House of European University in Saint Petersburg. (in Russian).
- Бочаров Т.Ю., Моисеева Е.Н.* Быть адвокатом в России: социологическое исследование профессии. Изд. 2-е испр. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 278 с.
- Bourdieu, P. (2005). *Socialnoe prostranstvo: polya i praktiki* / Per. s franc.; Otv. red. perevoda, sost. i poslesl. N.A. SHmatko. – М.: Institut eksperimentalnoj sociologii; SPb: Aletejya. (in Russian).
- Бурдьё, Пьер.* Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетея, 2005. 576 с.
- Gambarov, Y.S. (1907). *Zadachi sovremennogo pravovedeniya. Iz zhurnala Ministerstva yustitsii (Yanvar', 1907)* [The Tasks for Modern Jurisprudence. From the Journal of Ministry of Justice (January, 1907)]. Saint-Petersburg: Senat'skaya tipografiya Publ. (in Russian).
- Гамбаров Ю.С.* Задачи современного правоведения / Из журнала Министерства юстиции (Январь, 1907). С.-Петербург: Сенатская типография, 1907. 35 с.
- Grafskiy, V.G. (2016). *Sochetaniye iskusstva i nauki v pravoprimerenii: noviyе smysly redko ob-suzhdayemoy traditsii* [The Combination of Art and Science in Law Enforcement: New Senses of Rarely Discussed Tradition]. In: Grafsky, V.G. (ed.). *Pravoprimereniye kak iskusstvo i nauka: materialy desyatykh filosofsko-pravovykh chteniy pamyati akademika V.S. Nersesyantsa* [Law Enforcement as Art and Science: the Materials of the Tenth Readings on Philosophy and Law in the Memory of Academician V.S. Nersesyants]. Moscow: Norma Publ., pp. 11–18. (in Russian).
- Графский В.Г.* Сочетание искусства и науки в правоприменении: новые смыслы редко обсуждаемой традиции // Правоприменение как искусство и наука: материалы десятых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / отв. ред. и сост. В.Г. Графский. М.: Норма, 2016. С. 11–18.
- Hall, J. (1999). *Integrativnaya Yurisprudencia* [Integrative Jurisprudence]. In: *Antologiya mirovoy pravovoy mysly. Tom 3.* [Anthology of World Legal Thinking. Vol. 3]. Moscow: Mysl, pp. 738–741. (in Russian).
- Холл Дж.* Интегративная юриспруденция // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 3. М.: Мысль, 1999. С. 738–741.
- Kapustin, M.N. (1868□1869). *Teoriya prava (YUridicheskaya dogmatika)*. T. I. М.: Univ. tip. (Katkov i K°). (in Russian).
- Капустин М.Н.* Теория права (Юридическая догматика). Т. I. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1868□1869. 352 с.
- Nemytina, M.V. (2016). *Situatsiya v rossiskom pravovedenii: sushchestvuyut li bazovye koncepty?* [The Situation in Russian Jurisprudence: Is Basic Concepts Exist?]. *RUDN Journal of Law*, 20 (2), pp. 20–35. (in Russian).
- Немытина М.В.* Ситуация в российском правоведении: существуют ли базовые концепты? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2016. Т. 20. № 2. С. 20–35.
- Osipov, G.V. (ed.) (1972). *Amerikanskaya sotciologiya. Perspektivy. Problemy. Metody* [American Sociology. Perspectives. Problems. Methods]. Moscow: Progress Publ. (in Russian).
- Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы / Пер.: Воронин В.В., Зиньковский Е.В.; ред.: Осипов Г.В. (вступ. ст.). М.: Прогресс, 1972. 392 с.*

- Parsons, T. (1994). *Sistema koordinat deystviya i obshchaya teoriya system deistvia: kultura, lichnost i mesto sotsialnykh system* [The Coordinate System of Action and General Theory of the System of Action: Culture, Personality, and the place of Social Systems]. In: Dobrenkov, V.I. (ed.). *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl: teksty* [American Social Idea: Texts]. Moscow: Publishing House of Moscow University, pp. 448–464. (in Russian).
Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль: тексты. Пер. с англ. / Ред. В.И. Добренъков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 448–464.
- Parsons, T. (1998). *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Moscow: Aspect press. (in Russian).
Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект пресс, 1998. 270 с.
- Parsons, T. (2002a). *O sotsialnykh sistemakh* [About Social Systems]. Moscow: Akademicheskii proekt. (in Russian).
Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
- Parsons, T. (2002b). *O structure sotsialnogo deystviya* [About The Structure of Social Action]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2002. (in Russian).
Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002. 880 с.
- Pivovarov, Y.S. (ed.) (2001). *Pravo XX veka: idei i tsennosti: Sbornik obzorov i referatov* [The Law of the 20th Century: the Collection of Reviews and Papers]. Moscow: INION RAN. (in Russian).
Право XX века: идеи и ценности: Сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М.: ИНИОН РАН, 2001. 328 с.
- Pivovarov, Y.S. (ed.) (2002). *Pravovaya mysl XX veka: Sbornik obzorov i referatov* [The Idea of the Law of the 20th Century: the Collection of Reviews and Papers]. Moscow: INION RAN. (in Russian).
Правовая мысль XX века: Сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М.: ИНИОН РАН, 2002. 190 с.
- Polyakov, A.V. (2001a). *Obshchaya teoriya prava. Kurs lektsiy* [General Theory of Law. Lectures]. Saint Petersburg: Yurid. Centr Press. (in Russian).
Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 642 с.
- Polyakov, A.V. (2001b). *Pravogenes* [The Genesis of the Law]. *Pravovedeniye* [Jurisprudence], (5), pp. 216–234. (in Russian).
Поляков А.В. Правогенез // Правоведение. 2001. № 5. С. 216–234.
- Polyakov, A.V. (2003). *Obshchaya teoriya prava: Fenomenologo-kommunikativniy podkhod* [General Theory of Law: Phenomenological-Communicative Approach]. Saint Petersburg: Yurid. Centr Press. (in Russian).
Поляков А.В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 845 с.
- Pridvorov, N.A., Trofimov, V.V. (2012). *Pravoobrazovaniye i pravoobrazuyushchiye factory v prave: monografiya* [The Formation of the Law and the Factors of the Law Formation: monography]. Moscow: Norma: INFRA-M. (in Russian).
Придворов Н.А., Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 400 с.
- Sapun, V.A. (2003). *Yuridicheskoye obrazovaniye i urovni podsoznaniya* [Legal Education and Levels of Legal Awareness]. In: *Mir gumanitarnoi kultury akademika D.S. Likhachyova. II Mezhdunarodnie Likhachyovskie chteniya (23–24 maya 2002 goda)* [The World of Humanitarian Culture of Academician D.S. Likhachyov. The II International Likhachyov's Readings (May 23–24, 2002)]. Saint Petersburg: SPbGUP, pp. 81–85. (in Russian).

- Сапун В.А. Юридическое образование и уровни правосознания // Мир гуманитарной культуры академика Д.С. Лихачева. II Международные Лихачевские чтения (23–24 мая 2002 года). СПб.: СПбГУП, 2003. С. 81–85.
- Sokolova, A.A. (2003). *Sotsialnye aspekty pravoobrazovaniya* [Social Aspects of the Law Formation]. Minsk: EGU. (in Russian).
- Соколова А.А. Социальные аспекты правообразования. Минск: ЕГУ, 2003. 160 с.
- Sokolova, A.A. (2005). *Sotsialnye predposylki formirovaniya prava* [Social premises of the law formation]. In: *Problemy teorii prava i gosudarstva, istorii politiko-pravovoj mysli. Sbornik rabot uchenikov, druzej, kolleg professora Olega Ernestovicha Lejsta* [Problems of the Theory of the Law and State, History of the Political Legislative Thoughts. The Compilation of the Works by Students, Friends and Colleagues of Professor Oleg Ernestovich Leist]. Almaty: Edilet, pp. 55–68. (in Russian).
- Соколова А.А. Социальные предпосылки формирования права // Проблемы теории права и государства, истории политико-правовой мысли. Сборник работ учеников, друзей, коллег профессора Олега Эрнестовича Лейста. Алматы: ВШП «Эдilet», 2005. С. 55–68.
- Sorokin, P.A. (1992). *Sotsiologicheskiy etud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali* [Sociological Etude about the Main Forms of Social Behavior and Morality]. In: Sogomonov, A.U. (ed.). *Man. Civilisation. Society*. Moscow: Politizdat, pp. 32–156.
- Сорокин П.А. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали // Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 32–156.
- Trofimov, V.V. (2009). *Pravoobrazovaniye v sovremennom obshchestve: teoretiko-metodologicheskyy aspekt* [The Formation of the Law in the Modern Society: Theoretical-Methodological Aspect]. Saratov: Publishing House of GOU VPO «Saratovskaya Gosudarstvennaya academia prava». (in Russian).
- Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект: Монография / Под ред. д.ю.н., проф. Н.А. Придворова. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. 308 с.
- Trofimov, V.V. (2014). *Socialno-interaktivnyye zakonmernosti prava: problemy teorii i metodologii* [Socio-Interactive Regularities of the Law: Problems of Theory and Methodology]. *Pravovedeniye* [Jurisprudence], (5), pp. 94–113. (in Russian).
- Трофимов В.В. Социально-интерактивные закономерности права: проблемы теории и методологии // Правоведение. 2014. № 5. С. 94–113.
- Trofimov, V.V. (2015). *Problema sotsializatsii prava kak etapa pravoobrazovatel'nogo processa* [The Issue of Socialization of the Law as a Phase of the Law Formation Process]. *Pravo i Obrazovanie* [Law and Education], (1), pp. 4–14. (in Russian).
- Трофимов В.В. Проблема социализации права как этапа правообразовательного процесса // Право и образование. 2015. № 1. С. 4–14.
- Volkov, V.V. (ed.) (2011). *Pravo i pravoprimereniye v Rossii: mezhdisciplinarniye issledovaniya* [The Law and the Law Enforcement in Russia: Interdisciplinary Research]. Moscow: Statut. (in Russian).
- Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования / Под ред. В.В. Волкова. М.: «Статут», 2011. 317 с.
- Volkov V.V. (ed.) (2015). *Obviniye i opravdaniye v postsovetskoj ugolovnoy yustitsii: sbornik statei* [Accusations and Justification in Post-Soviet Criminal Justice System: the Compilation of Articles. Moscow: Norma, 2015. (in Russian).
- Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции: сборник статей / Под ред. В.В. Волкова. М.: Норм, 2015. 320 с.

Сведения об авторах

Соколова Алла Анатольевна, кандидат юридических наук, профессор-эмерит, Академический департамент социальных наук, Европейский гуманитарный университет

ORCID ID: 0000-0002-5841-7883

Контактная информация:

e-mail: alla.sokolova@ehu.lt

Трофимов Василий Владиславович, доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

ORCID ID: 0000-0002-5039-7363

Контактная информация:

e-mail: iptgutv@mail.ru

Для цитирования:

Соколова А.А., Трофимов В.В. Социально-интерактивный уровень социализации права как результирующего этапа процесса правообразования // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки.* 2018. Т. 22. № 2. С. 146–171. doi: 10.22363/2313-2337-2018-22-2-146-171.

Дата поступления в редакцию: 26 февраля 2018 г.

Дата принятия к печати: 15 апреля 2018 г.

SOCIO-INTERACTIVE LEVEL OF THE SOCIALIZATION OF THE LAW AS A RESULTING STAGE OF THE LAW-MAKING PROCESS

Alla A. Sokolova

European Humanities University
Academic Department of Social Sciences
17, Saviciaus st., Vilnius, Lithuania, LT-01127

Vasilii V. Trofimov

G.R. Derzhavin Tambov State University
Department of Theory and History of State and Law
181 B, Sovetskaya st., Tambov, Russia, 392008

The article analyzes a socio-interactive level of law socialization that is presented by the authors as a resulting stage of the legislative process, completing, in a sense, the formation of a legal rule. It is argued that the law becomes an objective reality only when it is included into the system of social interactions as their indispensable attribute. The authors explore the socio-interactive component of the law socialization in its connection to the role that the processes of socio-legal interaction play in the adaptation of legislative mandates introduced into the juridical practice by the subject of law-making. This perspective on the understanding of the law-making processes is grounded in the sociological conception of law that is compared to the philosophical and legal positivism approaches, while each conception is seen as an element of the integrative legal consciousness. Integrative approach is seen as perspective in this context since it can combine all the main aspects of law (legal norms, legal relations,

and legal consciousness). Socio-interactive aspects of law socialization are analysed through the theoretical and methodological approaches from foreign and post-Soviet theories of law and general sociology where the phenomenon of interaction (cooperation, communication) is seen as a key feature of the social in general and the socio-legal in particular. The article provides a deep insight into the specifics of law socialization in the sphere of civil life and public power competencies where different levels of legal mentality and approaches to law occur. At the same time in both cases the law as an efficient tool and the result of the law-making process is reificated (objectivated) in real life only after the socialization stage.

Key words: law; law-making; legal understanding of law; interaction; cooperation; communication; the socialization of law; socio-interactive level; actors; legal personnel

Acknowledgements: The current research is sponsored by the Russian Foundation for Basic Research (The department of humanities and social sciences) as a part of the project “Socio-interactive regularities of law: the problems of methodology and theory” (№ 15-03-00238).

Information about the Authors

Alla A. Sokolova, Candidate of Legal Sciences, emeritus professor, Academic Department of Social Sciences, European Humanities University

ORCID ID: 0000-0002-5841-7883

Contact information:

e-mail: alla.sokolova@ehu.lt

Vasilii V. Trofimov, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of G.R. Derzhavin Tambov State University

ORCID ID: 0000-0002-5039-7363

Contact information:

e-mail: iptgutv@mail.ru

For citation:

Sokolova, A.A., Trofimov, V.V. (2018). Socio-Interactive Level of the Socialization of the Law as a Resulting Stage of the Law-Making Process. *RUDN Journal of Law*, 22 (2), pp. 146–171. doi: 10.22363/2313-2337-2018-22-2-146-171.

Article received February 26, 2018

Article accepted April 15, 2018